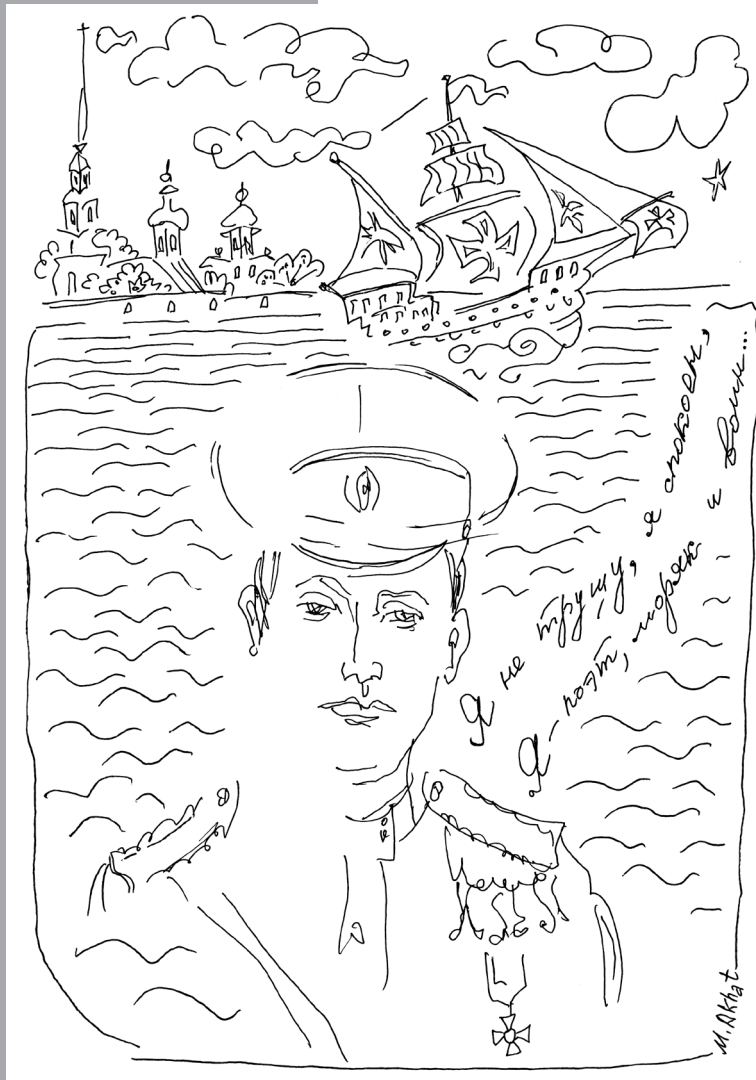

Борис
Вайнер

перо и время

Николай Гумилёв:

**«Как будто не все
пересчитаны
звёзды...»**

СТИХОТВОРЕНИЕ «В час вечерний, в час заката», которым открывается этот номер «КА», проникнуто трагическим ощущением финала жизни – и вместе с тем романтической стойкостью. Что совершенно не удивительно, если принять во внимание детали биографии и характер автора.

Уже взрослым Николай Гумилёв определял свой внутренний возраст как тринадцать лет. Тринадцать – значит недоверие к старшим, постоянное стремление утвердить себя среди сверстников, юношески наивное представление о мире, неистребимая тяга к независимости и приключениям.

...И кажется – в мире, как прежде, есть страны,
Куда не ступала людская нога,
Где в солнечных рощах живут великаны
И светят в прозрачной воде жемчуга.

С деревьев стекают душистые смолы,
Узорные листья лепечут: «Скорей,
Здесь реют червонного золота пчёлы,
Здесь розы краснее, чем пурпур царей!»,

И карлики с птицами спорят за гнёзда,
И нежен у девушек профиль лица...
Как будто не все пересчитаны звёзды,
Как будто наш мир не открыт до конца!

Мальчишеские черты, детская непосредственность были присущи поэту на протяжении всей его недолгой жизни. Анна Ахматова вспоминала, как в Париже, где они провели медовый месяц, она гуляла по улице и увидела вдруг в толпе, бегущей по дороге, своего мужа. Ему было двадцать четыре. «Шёл, а тут люди бегут. Ну и я побежал», – объяснял он ей потом.

Ранняя поэзия его полна экзотических сюжетов и героических персонажей; таковы знаменитые «Капитаны»:

...Пусть безумствует море и хлещет,
Гребни волн поднялись в небеса,
Ни один пред грозой не трепещет,
Ни один не свернёт паруса.

Разумеется, мужское честолюбие, желание первенствовать были тоже свойственны ему с детства. В возрасте шести лет, когда мальчишки бежали наперегонки и его обогнал другой, с маленьким Колей произошёл нервный срыв: юный поэт (именно в том году он написал своё первое стихотворение) хотел выглядеть победителем в глазах окружающих. При этом задор и упорство, стремление поставить на своём вкупе с обострённым чувством собственного достоинства отличали его поведение и в серьёзных, рискованных ситуациях (нынешние подростки, вероятно, назвали бы это «крутостью»).

Гумилёв, вне всяких сомнений, был человек очень храбрый. Страх смерти, о котором он часто думал, был ему крайне неприятен – настолько, что он всегда носил с собой яд. Как бы говоря: я знаю, что ты, смерть, рядом, но я тебя не боюсь и в любой момент готов встретиться. Однажды он даже попробовал приблизить эту встречу, но его успели спасти.

Романтик и искатель приключений, он нередко, что называется, «лез на рожон». В 1914-м, признанный негодным – по зрению – к армейской службе, обманул призывную комиссию (подкупил писаря) и был определён в уланский полк. Там, показав себя отчаянным смельчаком, получил звание ефрейтора и был награждён Георгиевским крестом, чем очень гордился. С товарищами, как говорят очевидцы, вёл себя абсолютно дружелюбно, корректно, как тонкий и даже «книжный» человек; жестокие бои, кровь вокруг не смогли очерствить его.

За день до отбытия в последнюю свою дальнюю экспедицию он тяжело болел. Медики предполагали тиф. Назавтра, поднявшись ранним утром, он уехал в Африку.

В стихотворении «Рабочий» (из книги 1918 года) у Гумилёва есть строки:

...Все его товарищи заснули,
Только он один ещё не спит:
Всё он занят отливаньем пули,
Что меня с землёю разлучит.

Пуля, им отлитая, просвищет
Над седою, вспененной Двиной,
Пуля, им отлитая, отыщет
Грудь мою, она пришла за мной...

Понятно, откуда взялась Двина: в тех краях, под Двинском, автор воевал. Но погиб всё-таки близ Невы.

В 1921-м поэта, как и ещё восемьсот человек, взяли под стражу за участие в заговоре «Петроградской боевой организации» В. Таганцева (сегодня вина считается недоказанной и обвинения с Гумилёва сняты). В застенках Кронштадтской крепости Николай Гумилёв держался мужественно, на вопрос тюремщика, есть ли в камере поэт Гумилёв, ответил: «Здесь нет поэта Гумилёва, здесь есть офицер Гумилёв». Ученик Николая Степановича Георгий Иванов вспоминал: «В тюрьму Гумилёв взял с собой Евангелие и Гомера. Он был совершенно спокоен при аресте, на допросах, и вряд ли можно сомневаться, что и в минуту казни».

Именно так и было. Один из чекистов описывает момент расстрела: «Да... Этот ваш Гумилёв... Нам, большевикам, это смешно. Но, знаете, шикарно умер. Я слышал из первых рук (т. е. от чекистов, членов расстрельной команды. – *Прим. автора*). Улыбался, докурил папиросу. Фанфаронство, конечно. Но даже на ребят из особого отдела произвёл впечатление. Пустое молодечество, но всё-таки крепкий тип. Мало кто так умирает».

Хотелось бы закончить тем, что История расставила всё по своим местам: поэт вернулся, его стихи многими любимы, имена же тех, кто его убил, сегодня пыль и прах. Однако события столетней давности слишком живы для нас, и как невесёлый ответ на этот довод Истории в памяти звучат слова одного горьковского героя: «Справедливо. Но – не утешает».

